

**АСИНХРОННОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА
У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУР И СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА “ЛОНДОН”)**

А. В. Соснин

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

В настоящей статье на примере концепта “Лондон” анализируется проблема асинхронного формирования одних и тех же концептов у представителей различных лингвокультур, что может вызывать значительные трудности в переводе текстов, где фигурируют эти концепты; выявляются причины возникновения этой “синфазности” восприятия действительности: в первую очередь, это связано с различной степенью распространенности ключевых письменных источников в различных культурах; рассматриваются ложные стереотипы и идеальные образы Лондона, характеризующие исследуемый концепт в сознании людей, не являющихся носителями английского языка и культуры.

Всегда существуют различия в наборе признаков, характеризующих один и тот же концепт у различных народов, противоречия между “своими” и “чужими” представлениями о культурно-значимом фрагменте действительности. М. В. Никитин выделяет пять причин, по которым отличаются концепты и концептуальные системы разных языков: (i) в силу различий в среде обитания и обстоятельств истории народов существуют заметные различия в концептуальных тезаурусах; (ii) поскольку языки рисуют мир на разных его участках с разной мерой обобщения и детализации, возможно заметное содержательное различие в денотатно тождественных или близких концептов; (iii) языки различаются способами выражения одних и тех же концептов, их распределением по значениям лексическим и грамматическим, прямым и переносным, по единицам однокомпонентным (лексическим) и многокомпонентным (сочетательным) и т.п.; (iv) в силу различий в среде обитания, истории, культуре и базисных аксиологических системах в языках своеобразна комбинаторика собственно когнитивных компонентов в структуре концепта (и соответственно в значении словесных знаков) с компонентами оценочно-прагматическими; (v) в языках весьма своеобразна сама комбинаторика концептов при их “привязке” к знакам [1:58]. Речь также идет об асинхронности формирования концепта, являющегося культурно значимым в рамках конкретной культуры, в сознании носителей этой культуры и носителей других культур. Всегда существует некоторая синфаза, некото-

рый разрыв в восприятии, поскольку перевод письменных источников, необходимых для формирования концепта, требует времени, и, в любом случае, нельзя быть уверенным, что переведенные источники получат такое же распространение в принимающей культуре.

В романе Х. Курейши “Будда из пригорода” Лондон как анклав маргиналов иронично противопоставляется восприятию иммигрантов, не способных избавиться от идиллических образов литературы романтизма и викторианской эпохи, рисовавших “старую добрую Англию” (*merry old England*), населенную идеальными английскими джентльменами и леди: “Here [in South London] the unemployed were walking the streets with nowhere else to go, the men in dirty clothes and the women in old shoes without stockings. As we walked and looked Changez talked of how much he liked English people, how polite and considerate they were. ‘They’re gentlemen. Especially the women.’ These gentlemen had unhealthy faces; their skin was grey. <...> Changez must have been thinking the same as me. He said, ‘Perhaps I feel at home here because it reminds me of Calcutta’” [2: 223—224] (“Здесь [в южном Лондоне] безработные слонялись от нечего делать по улицам, мужчины в пыльных куртках и женщины в стоптанных башмаках без чулок. Пока мы гуляли, глаза по сторонам, Чангиз говорил о том, как он любит англичан, как они вежливы и тактичны: “Они настоящие джентльмены. Особенно женщины”. У джентльменов были нездоровые лица, серая кожа. <...> Чангиз, видимо, думал о том же. Он сказал: “Вероятно, я чувствую себя здесь как дома, это напоминает мне

Калькутты” [перевод по: 3:360—361]). Вообще, как отмечает К. Хьюитт в книге “Понять Британию” (*Understanding Britain*), после Второй мировой войны становилось все сложнее и сложнее сказать, что такое “английский джентльмен”. В настоящее время это понятие перестало быть релевантным для английской культуры [4:137].

В приведенном контексте очевидны различия в концепте у разных народов, противоречия между “своими” и “чужими” представлениями о Лондоне как метрополисе и сердце английской цивилизации. Ср. следующий пример: “If you come to Britain, you will probably find us a much more relaxed, unsmart, non-triumphant nation than you had expected. By Mediterranean standards we are still rather formal in our behaviour towards each other, but the accounts I have read in Soviet textbooks are about a world which was disappearing fifty years ago (insofar as life was ever such as described in these books!)” [5:118] (“Приехав в Великобританию, вы скорее всего сочтете нас более расслабленной, менее подтянутой, далекой от триумфа нацией, чем вы того ожидали. По средиземноморским стандартам мы остаемся формальными в отношениях друг с другом, однако тексты, которые мне довелось прочесть в советских учебниках, повествуют о мире, который рушился уже 50 лет тому назад (и это при том, что жизнь вряд ли когда-либо была такой, какой ее рисуют эти тексты!)” [перевод по: 4:138]).

В книге В. Найпола “Загадка прибытия” рассказчик говорит о том, что “Лондон, который я знал и владел им в своем воображении, был Лондоном Диккенса. Это был Диккенс — и его иллюстрации, — которые дали мне иллюзию города. Таким образом, я был похож на русских, о которых я собирался услышать (и удивиться им), которые все еще верили в реальность диккенсовского Лондона” [цит. по: 6:120].

Действительно, сознание часто “рисует” идеальные города, создавая воображаемые ландшафты сознания. Наверное, одна из самых известных форм духовного эскапизма — бегство в невидимые грады и земли. Так, в Европе накануне Второй мировой войны Дж.Р.Р. Толкиен “убегал” в мир Хоббитании и Средиземья, а Г. Гессе — в Кастилию¹

¹ За неделю до начала Второй мировой войны английская писательница и поэтесса Вита Сэвилл-Уэст (1892—1962) в письме своему мужу, видному дипломату и политическому деятелю Гарольду Николсону, написала следующие слова: “If only you were not in London. It makes me physically sick to think of the air-raids” [7:87] (“Если бы только тебя не было в Лондоне. От одной мысли о воздушных налетах мне делается дурно” [перевод мой — А.С.]). Действительно, в последние

Список воображаемых ландшафтов, когда-либо созданных, можно продолжать едва ли не до бесконечности: “Верград” Д. Андреева, “ONESITY” (“Единград”) Б. Инсли, “Мистический Лондон” Э. Сведенборга и т.д. [8:78].

Заблуждением, объясняющимся синфазностью восприятия, является ностальгия по викторианскому Лондону, который все еще напоминает о себе: “Most of the London we enjoy is Victorian either in its fabric or its layout, or at least its inspiration” [9:586] (“Большая часть Лондона, которая радует глаз, принадлежит Викторианской эпохе либо самими зданиями, либо планировкой, либо, по меньшей мере, общей мыслью” [перевод по: 10:664]); “It does not take much imagination or detective work, as you walk round London in the twenty-first century, to see how much of it was built during the reign of Queen Victoria” [11:73] (“Во время прогулки по Лондону XXI века от вас не потребуется богатого воображения или особых умственных усилий, чтобы понять, как много всего в городе было построено во время правления королевы Виктории” [перевод мой — А.С.]). Действительно, можно восхищаться витражами и дубовыми панелями викторианских пабов, таинственным полумраком старых церквей и готическим величием вокзала Сент-Пэнкрэс, можно вместе с Сомсом Форсайтом² сожалеть об

месяцы, предшествующие вступлению Великобритании в войну, месяцы полные тревоги, несбывшихся надежд и чувства вины за подписанное Мюнхенское соглашение, многие англичане задумывались о судьбе Лондона, великого города империи, города богатого прошлым и историей, воплощения английского духа и сокровищницы английской культуры. В 1941 г., потрясенная разрушением Лондона — этого “сокровенного сокровища” — и измученная борьбой с приступами безумия, покончила с собой Вирджиния Вулф.

² Голсуорси, несомненно, ближе воспитанному на классике “дворянских гнезд” русскому читателю, чем английскому читателю, который достаточно далек от сочувствия переживаниям привилегированного меньшинства. Поскольку концепт в национальном сознании во многом формируется на основе набора ключевых литературных произведений, который не может быть доступен для представителей других культур в полном объеме, то невозможно ожидать совпадения концептуальных признаков у представителей разных культур. (Например, широкий русский читатель не очень знаком с произведениями Т. Гарди, одного из самых популярных классиков в Великобритании, который одним из первых поставил вопрос о сомнительности викторианских ценностей.) Для нескольких поколений россиян — выходцев из Советского Союза — Лондон действительно так и остался Лондоном Голсуорси и Диккенса, хотя для англичан он безвозвратно ушел в прошлое с сопутствующей виртуализацией ряда концептуальных признаков. Ср. контекст, который является культурно значимым для носителей русской культуры: “У Чарльза Диккенса спросите, / Что было в Лондоне тогда: / Контора Домби в старом Сити / И Темзы желтая вода” [12].

ушедшем XIX веке и вспоминать, как Шерлок Холмс ездил в кебе сквозь туман лондонских улиц. Однако необходимо помнить о масштабах нищеты в викторианском мегаполисе, о грязи и антисанитарии³, о жестоком отношении к бедным, правонарушителям и национальным меньшинствам, “которых вешали за ничтожные преступления”, о положении женщин, “не имевших прав на собственное имущество”, о трагедии миллионов людей, ставших жертвой бездушного всепожирающего города-молоха и викторианской морали.

В современной Англии викторианский период стал чем-то вроде брэнда, имеющим мало общего с ее подлинной сущностью (подобно “лубочной Руси” или образу Че Гевары), средством для привлечения туристов и способом извлечения прибыли из литературных стилизаций, театральных постановок и ресторанов, выдержанных в духе эпохи.

Неправильные представления о Лондоне, вызванные асинхронностью формирования данного концепта, ведут к ложному пониманию английскости, которая в узком смысле подразумевает культурную жизнь Лондона и окрестных городов (в противовес исторической и политической нагрузке концепта “Britishness”). Действительно, вывести наиболее важные, вековые, национальные характеристики англичан невозможно без обращения к Лондону, который предстает как микромодель общеанглийских процессов: “Every Englishman must take an interest in London — a city which it has taken nearly two thousand years to build; whose sons, to enrich which, have sailed on every sea and fought or traded on every land; and which apparently, as the original home and centre of English-speaking people, must grow with the growth and strengthen with the strength of the world. <...> It is the brain of England,

³ Лондон всегда страдал от перенаселенности и недостатка качественных жилых строений: так, в 1800 г. население Лондона составляло около миллиона жителей, а к 1880 г. оно разрослось до 4,5 миллионов. Результатом этого стремительного роста, а также развития торговли были немислимые для сегодняшнего дня грязь и нищета. *Во многих частях города нечистоты сливались в сточные канавы, которые вели прямо в Темзу. Кроме того, вплоть до второй половины XIX в. по улицам можно было прогонять животных, а в черте города располагались рынки живого скота и скотобойни. В биографии Диккенса П. Акройд пишет: “If a late twentieth-century person were suddenly to find himself in a tavern or house of the period, he would be literally sick — sick with the smells, sick with the food, sick with the atmosphere around him” [13:46] (“Если человек, живущий в конце XX века, внезапно очутился бы в таверне или жилом доме того периода, ему стало бы по-настоящему плохо — плохо от запахов, еды и всего вокруг него” [перевод мой — А.С.]*

the seat of English rule, whence issue laws which are obeyed in four quarters of the globe, and the fountain of thought which agitates and rules the world” [14] (“*Всякий англичанин должен интересоваться Лондоном — городом с почти двухтысячелетней историей, чьи сыны во имя его процветания ходили по всем морям и сражались или вели коммерцию во всех странах; городом, который как родина и центр английской нации, несомненно, должен расти и укрепляться вместе с ней. <...> Это мозг Англии, дворец английской государственности, откуда исходят законы, которым подчиняются во всех частях света; это источник бьющей ключом мысли, которая изменяет мир и правит им” [перевод мой — А.С.]*)⁴. Здесь говорится о следующих составляющих английскости: Лондон как образующий фактор английской цивилизации⁵; Великобритания — владычица мира; высокая имперская миссия, которая заключалась в распространении среди “отсталых” народов принципов цивилизации, христианства, верховенства закона, либеральных реформ. В современных условиях два последних признака следует считать виртуализованными (что зачастую не осознается представителями других культур).

Нераспространенность ключевых литературных источников одной культуры в другой культуре

⁴ Когда в 1603 г. Иаков I приехал в Лондон на коронацию и увидел его бурный рост и активность, он, по преданию, воскликнул: “England will shortly be London, and London England!” [цит. по: 14] (“*Англия отныне будет Лондоном, а Лондон Англией!*”). В книге “Лондон: биография” П. Акройд отмечает, что иностранцы, приезжавшие в Лондон в XVII веке, свидетельствовали следующее: “London is not said to be in England, but rather England to be in London” [9:106] (“*Не Лондон находится в Англии, а наоборот, Англия в Лондоне” [перевод по: 10:136]*). Он также пишет, что в XVIII—XIX вв. в связи с небывалым ростом Лондона “it was often said that all England had become London <...>. For others London corresponded to the great globe itself or the epitome of the round world” [9:589] (“*... часто говорили, что вся Англия сделалась Лондоном <...>. А для иных Лондон был подобием всей нашей планеты — воплощением шара земного” [перевод по 10:668]*). Неслучайно английский писатель, публицист и критик Томас де Куинси (1785—1859) назвал одно из своих эссе “Лондонская нация” (*The Nation of London*, 1800), подчеркивая, что Лондон слишком огромен и многообразен, чтобы именоваться просто городом: “It was a most heavenly day in May of the year (1800) when I first beheld and first entered this mighty wilderness, the city — no, not the city, but the nation — of London” [15] (“*Божественным майским днем 1800 года я впервые увидел эту гигантскую конгломерацию и въехал в нее. Город Лондон! — нет, не город, целая нация — лондонская нация” [перевод мой — А.С.]*

⁵ В центре каждой цивилизации мы находим свой “вечный” город, глубоко связанный с ее историей и судьбой [16:34].

ведет к несовпадению интертекстуальных рамок [17;18] или стереотипных ситуаций из предшествующей текстовой традиции, ставших энциклопедией читателя⁶. Это, как правило, представляет наибольшие трудности при переводе, поскольку предполагают вызов “глобальных” ассоциаций у читателя. Действительно, без эксплицитных маркеров русский читатель едва ли узнает в тексте романа М. Муркока “Лондон, любовь моя” (*Mother London*, 1988) обращение к описаниям Великого лондонского пожара 1666 г. из дневников Сэмюэла Пипса, актуализующим метафору “Лондон-ад”, или — в романе П. Акройда “Процесс Элизабет Кри” (*The Trial of Elizabeth Cree*, 1995)⁷ — сквозную аллюзию на “Путь паломника” Дж. Беньяна и фигурирующую там “трясину уныния” (*Slough of Despond*) как метафору упадка духа и отчаяния. Однако это не означает принципиальной непереводаемости, а лишь некоторые сложности в освоении чужой культуры и литературных традиций через перевод. Дело в том, что в процессе перевода художественного текста возможно освоение не только иноязычных лексических единиц, но и инохудожественной модели, а значит — и освоение чужой культуры. Более того, не всякая затекстовая информация абсолютно необходима для адекватного понимания текста⁸. Соответ-

ственно, перевод с одного языка на другой возможен лишь с некоторыми ограничениями, которые, однако, не препятствуют достижению межъязыковой коммуникации в достаточно полном объеме. Основным фактором, способствующим минимизации этих ограничений, т.е. повышению переводимости, следует считать взаимообогащение культур на каждом новом историческом этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hukutin M.B.* Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. № 1. — С. 53—64.
2. *Kureishi, H.* *The Buddha of Suburbia*. — London: Faber and Faber, 1990. — 284 p.
3. *Курейши Х.* Будда из пригорода. М., 2002. — 284 с.
4. *Хьюитт К.* Понять Британию. Реальности западной культуры для озадаченного гостя из России. Пер. с англ. — Пермь, 1992. — 288 с.
5. *Hewitt K.* *Understanding Britain*. — Perspective Publications, 2002. — 265 p.
6. *Толкачев С.П.* Мультикультурный контекст современного английского романа. Монография. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2003. — 405 с.
7. *Nicolson, H.* *Diaries, 1930—39*. — Collins, 1971. — 301 p.
8. *Стародубцева Л.В.* Город как метафора урбанизируемого сознания // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. — С. 70—122.
9. *Ackroyd, P.* *London. The Biography*. — London: Vintage, 2000. — 822 p.
10. *Акرويد П.* Лондон: биография. М., 2005. — 893 с.
11. *Wilson A.N.* *London. A Short History*. — London: Phoenix, 2004. — 166 p.
12. *Мандельштам О.* Домби и сын, 1913. — <http://home.arcor.de/berick/illeguan/mandell.htm>
13. *Ackroyd P.* *Dickens*. — Sinclair—Stevenson, 1990. — 1120 p.
14. *Ewing Ritchie J.* *Days and Nights in London or, Studies in Black and Gray*, 1880. — <http://www.victorian-london.org>
15. *Quincey, de T.* *The Nation of London, 1880 // Autobiographic Sketches*. — <http://www.gutenberg.org/etext/7306>

⁶ У.Эко выделяет рамки, которые не только узнаются аудиторией как принадлежащие к интертекстуальному ряду, но которые способны нести очарование, магию, волшебство для читателя или зрителя. Он также вводит понятие *интертекстуальных архетипов*, понимая под ними повторяемые повествовательные ситуации, цитируемые и воспроизводимые другими текстами и провоцирующие адресата на сильные эмоции, сопровождаемые впечатлением уже виденного, что хотелось бы увидеть еще.

⁷ В этом романе П. Акرويد обращается к образам *темного Лондона, болота, трясины* (*dark London, bog, mire, morass, slough, swamp*) [19], которые воплощают “изнанку” английской природы, а в романе того же автора “Дом доктора Ди” (*The House of Doctor Dee*) английская столица также ассоциируется с болотом, водной низиной — *wetland* [20]. В.В. Струков указывает на то, что Ист-Энд, рабочая и портовая часть Лондона, занимает территорию прежней низины в долине Темзы. Осущение болотистой местности дает городу возможность расти, подниматься над низиной в домах. Так происходит процесс колонизации пространства: если сравнить землю со страницей, а городские постройки с надписью/текстом на ней, то вода, закрывающая землю, мешает процессу чтения текста, освоения нового пространства [21:108].

⁸ Очевидно, что степень понимания текста зависит от уровня информационного запаса (знаний), которым человек владел до того, как он ознакомился с текстом. Исходя из этого, Р.К. Миньяр-Белоручев выделяет пять степеней информационного запаса и утверждает, что для успешного осуществления перевода переводчик должен обладать информационным запасом третьей степени (такое количество информации, которое позволяет четко осознавать наиболее существенные признаки

денотата, выделять его из группы однородных предметов, явлений). Владение информационным запасом четвертой степени (наличие некоторого объема систематизированных знаний о денотате) является желательным, но уже не обязательным требованием. Информационный запас пятой степени означает проникновение в сущность предмета, явления, отчетливое понимание границ, несущественных признаков, возможных изменений денотата [22:55-57]. Ожидать от переводчика владения информационным запасом пятой степени во всех случаях невозможно.

16. *Нецадин А.А., Горин Н.И.* Феномен города: социально-экономический анализ. — М.: Изограф, 2001. — 239 с.

17. *Eco U.* Casablanca: Cult Movies and Intertextual Collage // *Modern Theory and Criticism*. — Longman, 1988.

18. *Eco U.* The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts. — Macmillan, 1979.

19. *Ackroyd P.* The Trial of Elizabeth Cree. — London: Minerva, 1995. — 282 p.

20. *Ackroyd P.* The House of Doctor Dee. — London: Penguin, 1994. — 288 p.

21. *Струков В.В.* Художественное своеобразие романов Питера Акройда: к проблеме британского постмодернизма. — Воронеж: Полиграф, 2000. — 182 с.

22. *Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. — М.: Воениздат, 1980.